

Глава третья. Невьянск – Карабаш. 1917–1921

Итак, в 1970 году у бабушки завязалась переписка с пионерами и комсомольцами из средней школы № 1 города Карабаш. Как нашли ее пионеры – не знаю. Быть может, накопили что-то в архивах. Но скорее всего, по совету бабушкиных сестер Зинаиды или Александры, которые там жили. Потом еще несколько лет ребята поздравляли бабушку с революционными праздниками, а однажды прислали альбом с отчетом о своей работе и фотографиями.

Первая открытка – со штемпелем 5.11.70. Адресована Фирсовой Ксении Герасимовне. На лицевой стороне на красном фоне силуэт «Авроры», золотые серп и молот со звездой и надпись: «СЛАВА ВЕЛИКОМУ ОКТЯБРЮ». Довольно традиционный для тех лет изобразительный ряд. Послали авиапочтой, чтобы успела к 7 ноября. На обороте текст:

«Уважаемая Ксения Герасимовна!

Поздравляем Вас с праздником, желаем Вам хорошего здоровья и большого личного счастья!

Мы обращаемся к Вам с большой просьбой. Опишите, если это Вас не затруднит, о Вашей далекой комсомольской юности, о том, как Вы начинали историю карабашского комсомола. Если можно, вышлите своё фото любимых лет. Нам очень хочется не только узнать о судьбе первых комсомольцев нашего города, но и оформить в Ленинской комнате стенд о Вас, первых комсомольцах Карабаша.

С уважением к Вам продолжатели Вами начатых дел пионеры и комсомольцы СШ №1».

Письмо К.Г. Ефремовой пионерам и комсомольцам школы № 1 г. Карабаш

«Дорогие ребятки, получила Вашу открытку с поздравлением и очень была тронута. Большое спасибо за поздравление, интересно, кто натолкнул Вас на эту мысль – обратиться ко мне с вопросом о комсомольской юности и где Вы взяли мой адрес.

Сейчас я уже старая, забыла многие фамилии, но о том, что сохранилось в памяти, я с удовольствием напишу. Но возможно я Вас разочарую тем, что в Карабаше прожила только 3 года,

г. Невьянок. Собор.

Так выглядели главные достопримечательности Невьянска в те годы. Наклонная Невьянская башня, Спасо-Преображенский собор и часовня в память о погибшем от бомбы народовольцев царе Александре II

(читай: Екатеринбургского уезда Пермской губернии. – Г.И.). Отец мой еще до революции был связан с партией большевиков, работал машинистом силовых установок, 2 старших брата тоже работали на артиллерийском заводе. Один (Петр. – Г.И.) слесарем, а другой после ранения на фронте то ли бракером, то ли счетоводом. Старший брат (Михаил. – Г.И.) был крепко связан с отцом. А мы еще были бестолковые юнцы. Но в 1916 году у нас была большая забастовка на заводах. Приезжали казаки для усмирения, и не одному из наших парней удалось попробовать казацкой плетки.

У отца нередко собирались передовые рабочие и обсуждали стачечные, да и другие дела, а мы использовались как наблюдатели, т. е. около дома устраивали шумные игры, а сами наблюдали за происходящим. Несмотря на то, что мы еще были молоды с братом (Николаем, родившимся в 1910 году. – Г.И.), мы уже понимали, что тоже должны organizоваться на помощь родителям, и старшие нам указали дорогу. По настоящему времени наши попытки покажутся примитивными, но тогда это имело смысл.

В рабочем поселке, где мы жили, такой молодежи от 16 до 22-23 лет было человек 40. Кто работал, кто учился, а многие девушки, в том числе и я, находились дома, помогая матерям, т. к. семьи в то время были большие, самое меньшее 5 человек, а у некоторых и до 10.

Старшие рабочие во время стачки, выставляя свои требования об улучшении условий труда, повышении заработной платы, потребовали, чтобы в поселке была построена баня. Частично требования были удовлетворены, а так же через некоторое время была заложена и баня.

Но вот наступил 1917 год и Февральская революция.

приехала в 1918 г. осенью и осенью 1921 г. выехала в Свердловск (то есть в Екатеринбург, который стал Свердловском в 1924 г. – Г.И.), поздней я еще жила в Карабаше, но тогда уже у меня было двое детей.

Когда началась Февральская революция в 1917 г., я со своей семьей проживала в г. Невьянке Свердловской области

Дети, трудно Вам объяснить на словах, ведь это был период энтузиазма, хотелось что-то сделать такое, как говорится, обнять весь мир. Несмотря на то, что мы были голодны, а голодны мы были, начиная с 1915 года, т. к. была война, а Невьянск город промышленный, и прилетающие к нему Нижний Тагил, Верхний Тагил и т. д. сельским хозяйством не занимались, своего хлеба не было, все привозное, а привозить было неоткуда, т. к. крестьянство, мужчины, отправлены на фронт, обрабатывать землю было некому, и начались неурожаи. Но нам было как-то все нипочем. Помещение бани было построено, но внутри не оборудовано. Мы под руководством старших добились, чтобы это помещение отдали нам в наше распоряжение. Что я хочу сказать этим? А то, что это были первые побеги нашей молодежной организации. Мы были счастливы, мы имели возможность организовать себе клуб и заняться каким-то делом. Денег у нас не было. Кто-то из старших посоветовал организовать драматический, хоровой и музыкальный кружки, началась подготовка. К 1-му мая 17 г. у нас уже была готова постановка, кажется, "Медведь" Чехова, и концертное отделение. На первое мая мы дали праздничный концерт, а позднее – платный. Заработанные деньги у нас пошли на украшение клуба и на всякие мелочи, поделку декораций, а костюмы для постановок делали сами или доставали. У кого были старинные костюмы, зеркала, стулья, шторы, портьеры – все тащилось из домов вновь испеченных артистов. Это было горячее время, везде нужно было поспеть, нигде не опоздать, все делать. К 1-му мая нужны были лозунги, плакаты: все делали своими силами. Нужно было разучивать новые незнакомые песни, подготовиться к демонстрации.

Точно не помню, в июне или июле приехал представитель из Свердловска (тогда еще Екатеринбурга) и, проведя собрание, предложил организовать союз рабочей молодежи. Какой-то был предложен устав, сейчас не помню, дали нам уже настоящее помещение и началась организационная работа, а позднее нам горкомом партии давались всевозможные задания, написание плакатов, пошив и вышивка знамен, все делалось молодежными руками. Когда у нас не было денег, организовывали концерты, постановки.

При гимназии было организовано отделение по повышению знаний, принимались в это отделение окончившие не менее 3 классов и не более 4-х. Преподавались все предметы, что и в гимназии, но в уплотненном виде. Весной 1918 г. мы окончили это отделение, сдав экзамен за 4 класс гимназии экстерном, и стали грамотными людьми. Как в сказке, но это была неоспоримая.

А в июне 1918 г. выступил Колчак (здесь память бабушку подвела: армии Колчака заняли Урал позже, в марте-апреле 1919 г., и

оставили его после Челябинской операции 17.07–04.08.1919 г. А в июле 1918 г. по Уралу прошла Белая армия, совместно с чехословацким корпусом взявшая Екатеринбург 28.07.1918 г. – Г.И.), и наши мальчишки, члены „союза рабочей молодежи“, почти все ушли в армию. А мы, девочки, остались, и тоже везде нужны были деньги, устраивали праздник цветов, доставали цветы из садов, а порой просто ромашки, васильки, делали небольшие букетики, укладывали в корзины, девочки несли цветы или еще специально делались жетоны, вроде теперешних значков, прикалывали на грудь встречных, а у мальчишек в руках или на ленте через плечо была опечатанная кружка, куда гражданин или гражданка, получившие букетик цветов, обязан был опустить какую-то сумму денег, и эти деньги шли уже в пользу государства.

12 июня в Невьянске кулаки подняли восстание, это было так неожиданно. Все работники горисполкома и горкома партии находились на рабочих местах. Здание, где находились эти учреждения, было оцеплено белыми и кулаками с пулеметами, и вообще до зубов вооруженными людьми, и все работники в количестве 46 человек были арестованы. А когда наша Красная Армия стала подходить к Невьянску на помощь, то арестованные все были кулаками расстреляны. Это был первый большой урон, помимо войны. Когда наши войска пришли и уладили эту банду, первое, что нам пришлось делать, – это организовать похороны погибших. Конечно, все делалось под руководством старших, т.к. у нас еще своего опыта было мало».

О восстании в Невьянске бабушка повествует здесь коротко, тем не менее, интересно сопоставить ее рассказ с воспоминаниями, гораздо более подробными, других участников тех событий.

Очерк Н.М. Матвеева о восстании был впервые опубликован в книге «В борьбе за власть Советов. Воспоминания коммунистов – участников Октябрьской революции и гражданской войны на Урале»: Свердловск, 1957. А затем, со ссылкой на первоисточник, перепечатан за границей – уже под другим идеологическим соусом, в 3-й книге серии «Исследования новейшей русской истории»: «Народное сопротивление коммунизму в России. Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 – январь 1919. Документы и рассказы». Под общей редакцией А.И. Солженицына. Париж, 1982.

Невьянское восстание

Из воспоминаний Н.М. Матвеева:

Когда начался контрреволюционный мятеж чехословацкого корпуса, спровоцированный империалистами, Невьянск обезлюдел. Почти все коммунисты и сознательные рабочие – не менее 700 человек – ушли на фронт с отрядами Красной гвардии. В городе не осталось никаких вооруженных сил, за исключением так называемых автомобилистов, с которыми и связана история контрреволюционного невянского восстания.

Автомобилистами у нас называли технический персонал и охрану военнизированных автомастерских, эвакуированных в Невьянск из города Луги под Петроградом в связи с наступлением немцев в феврале 1918 года. Это были преимущественно замаскированные белогвардейские офицеры, разного рода авантюристы, недоучившиеся студенты из породы маменькиных сынков – словом, все те, кто отсиживался в тылу, дожидаясь удобного момента, чтобы свести счеты с Советской властью. Среди подобной публики меньшевики и правые эсеры пользовались исключительным влиянием. Большевиков здесь не было: они воевали на фронте с врагами революции.

Всего в автомобильных мастерских насчитывалось около 300 человек. Оружие они имели в избытке и самое разнообразное: винтовки, револьверы, пулеметы и несколько броневых автомобилей. Надо сказать, что поведение автомобилистов сразу внушило нам – коммунистам – подозрение. Они упорно сторонились рабочих, но зато завели крепкую дружбу с кулаками и торговцами, выменивая у них водку на оружие. Напившись, орали похабные песни и грозились: – Вот погодите, мы ваших комиссаров скоро подкомиссарим.

Подозрительное поведение автомобилистов заставило нас обсудить этот вопрос на собрании актива. Но тут мнения разделились. В защиту автомобилистов, как это ни странно, выступил председатель исполкома большевик Каскович. Он уверял всех нас, что опасаться совершенно нечего, что автомобилисты хорошие ребята, а их начальник Елисеенко и вовсе свой парень. Касковича поддержал директор Невьянского завода Кузнецов. Однако большинство членов исполкома высказалось за разоружение.

Касковича отрядили в Екатеринбург к военному комиссару Ф. Голощекину за помощью. Тот одобрил наше решение, но помочь ничем не смог. А собственных сил у нас не было. 8 июня 1918 года накануне мятежа, мы отправили на фронт последний отряд красновардейцев. Этим и воспользовались автомобилисты...

Между тем в городе распространился слух, будто бы сообщение между Невьянском и Екатеринбургом прервано. Контрреволюционеры восприняли этот слух как сигнал для выступления против Советской власти.

12 июня 1918 года, часов в одиннадцать утра, вооруженная до зубов банда автомобилистов ворвалась в здание исполкома Совета и открыла частую стрельбу. Наш народный судья П.П. Шайдаков с криком «измена!» выскочил в окно, но бандитская пуля догнала его, и он повис мертвым на прутьях железной ограды. Мятежники под усиленным конвоем препроводили нас вначале в так называемую красную комнату заводоуправления, а затем ночью в арестный дом бывшего волостного правления...

Мятеж продолжался всего пять дней, но размеры его были довольно значительными. Автомобилистов и буржуазию Невьянска активно поддерживало кулачество близлежащих волостей: Быньговской, Таволжанской, Шуралинской, Верхне-Тагильской, Рудянской, Верхне-Таволжанской. Кроме того, невянские контрреволюционеры обратились за помощью к белочехам, а также к антисоветским элементам в Екатеринбурге, которые как раз в это время тоже пытались организовать вооруженное выступление.

Программа мятежников определялась типично эсеро-меньшевистскими лозунгами: «Долой комиссародержавцев-большевиков! Вся власть Учредительному собранию!» Организационным центром мятежа являлся так называемый

мый военный штаб, куда вошли представители от автомобилистов, городской буржуазии, бывшего царского чиновничества, кулаков и соглашательских партий. Штаб сформировал белогвардейскую дружину, которая вместе с кулацкими отрядами насчитывала до пяти тысяч человек.

В деревне от имени военного штаба действовал организованный эсерами Крестьянский союз. Советы были повсеместно разогнаны, около 60 партийных и советских работников арестованы и доставлены в Невьянск на расправу.

Не довольствуясь этим, мятежники предприняли попытку овладеть Нижним Тагилом. К счастью, один из наших телеграфистов успел предупредить кого следует. Красногвардейский отряд Нижне-Тагильского Совета встретил налетчиков плотным ружейно-пулеметным огнем и заставил их отступить...

На пятый день мятежа к Невьянску подошли отряды екатеринбургских и нижнетагильских красногвардейцев с бронепоездом. Мятежники хотели устроить крушение, пустив навстречу бронепоезду платформу с песком. Но красногвардейцы вовремя заметили опасность и свалили платформу под откос. Бронепоезд продвинулся вперед и открыл огонь из орудий и пулеметов.

За ним пошла в атаку пехота. Мятежники не выдержали и в панике бежали из Невьянска по направлению к Рудянке.

Перед уходом они намеревались расправиться со всеми арестованными, но не успели. Пострадали только те, кто сидел вместе со мной в волостном правлении. Из них погибли мучительной смертью комиссар труда И.А. Долгих, директор цементного завода Л.С. Чижов, работник военкомата А.Д. Котляков, комиссар просвещения и юстиции Н.П. Мартьянов, уполномоченный наркомпрода Сбарский, член продовольственной управы Н.И. Шведов, красногвардеец П.И. Быстров, директор кожевенного завода А.И. Дерябин – всего 11 человек. Тяжело было переносить горечь утраты лучших наших товарищей, но мы отомстили врагу за их кровь.

Кровь за кровь. Такая война шла в те месяцы на Урале. Невьянский мятеж был одним из перепадов в этой войне, в которой одерживали верх то белые, то красные. Но ровно через месяц красные нанесли удар, который станет не просто одним из эпизодов Гражданской войны, он станет фактом мировой истории и потянет за собой цепь других событий, которые происходят по сей день.

28 ноября 2015 года, в день, когда я пишу эти строки, в Петропавловской крепости вскрыли могилу Александра III с тем, чтобы взять образцы для анализа ДНК. Последнее на сегодняшний день звено в той самой цепи, первым из которых стало убийство в Екатеринбурге отрекшегося от царского престола гражданина Николая Романова и его семьи. Произошло это в ночь на 17 июля 1918 года, через считанные дни после освобождения Невьянска от мятежников.

В эту ночь бывшие Государь с Государыней ответили за все свои злодеяния, а заложниками этих злодеяний стали их невинные дети. И не так уж важно, кто конкретно стрелял в подвале Ипатьевского дома. Николая Кровавого, царя-палача – к этим определениям после его канонизации добавилось еще одно: «святой изверг» – убили те, чьи отцы были затоптаны на Ходынском поле

17 мая 1896 года (по официальным данным погибли 1389 человек, по неофициальным – до 5000); те, чьи товарищи, шедшие к Зимнему дворцу с портретами царя, были расстреляны 9 января 1905 года (по официальным данным 130 убитых и 299 раненых, по неофициальным в несколько раз больше); те, кто уцелел 4 апреля 1912 года, в день Ленского расстрела мирного шествия рабочих (убиты по разным данным от 150 до 270 человек); родственники погибших в еврейских погромах, направлявшихся царем-антисемитом (по самым скромным подсчетам: убитых – 21 000 человек, раненых – 31 000); родные тех сотен тысяч российских солдат и моряков, что погибли в бездарно проигранных Японской и Первой мировой войнах. Всего во время подавления восстаний и разгона демонстраций за годы правления Николая II убиты более 17 000 и ранены около 28 000 человек, в течение 1905–1912 годов в тюрьмах умерли 30 424, покончили самоубийством 928 человек. Кровь за кровь. В историческом смысле это было отмщение. В духовном – Божье возмездие.

«Се, гряду скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его» – Откр 22, 12.

Ныне Николай – «Царственный страстотерпец». У Русской православной церкви в 2000 году были свои резоны для того, чтобы причислить к лику святых семью последнего императора России, несмотря на многочисленные протесты и сомнения общественности. Хотя и в самой Церкви по этому поводу единого мнения не было. Решающим, судя по тому, как развивались события, оказалось мнение первого президента России Ельцина, непосредственного участника и волею Политбюро ЦК КПСС исполнителя решения о сносе Ипатьевского дома в Свердловске (22–23 сентября 1977 года), в подвале которого произошла трагедия. Будучи в то время первым секретарем Свердловского обкома, он «вынужден» был дать ход этому делу. Слова типа «вынужден» возникли многими годами позже, а в 1977-м верный ленинец и подумать не мог о том, чтобы поставить под сомнение решение Политбюро. Однако про Политбюро со временем как-то забыли, и всякий раз, когда возникал разговор о сносе проклятого дома, говорили просто: его снес Ельцин. Времена изменились, а пятно осталось. Об угрызениях совести говорить не буду, не верю, но замолить грех и покаяться сам... (нет, не Бог) велел. Так и возникла, судя по всему, идея канонизации. Для этого надо было забыть все разговоры о никудышном царе, отрекшемся от России, и свести всю его биографию к тому периоду, когда после отречения семья Николая находилась в неволе. И была, к июлю 18-го года, фактически приговорена. Бывший царь и его потомки большевикам, да еще в той обстановке Гражданской войны, когда города на Урале постоянно переходили из рук в руки, были совершенно не нужны. Как несколько ранее, после отречения, ненужными они оказались английскому монарху Георгу V, двоюродному брату Николая, с которым они были, по крайней мере, внешне, похожи, как братья близнецы. Брошенный родственниками, после Октябрьской революции Николай был обречен. И тем не менее...

На ухоженных руках последнего российского императора – кровь сотен тысяч убитых людей, и не важно, по его ли приказам, или при его молчаливом согласии, как 9 января, было это сделано. И не они ли истинные страстотерпцы, те, кто был убит в день, названный Кровавым воскресеньем, когда Государь-батюшка (трусливо, скрывшийся в Царском Селе еще 6 января, но хорошо осведомленный о предстоящем шествии рабочих) пустил события на самотек. Так было, но те, кто принимал решение о канонизации, лукаво решили обмануть и себя, и православную общественность, сообщив всему миру, «что государя в это время вообще не было в Петербурге, он никак не был причастен к этому расстрелу и не мог отдать такого приказа – он даже не был в курсе происходящего».

Царь, по Священному Писанию, – «умыл руки», фактически отдав власть военным, жандармам и градоначальнику, сделавшим с беззащитными семьями рабочих то, что сделали с Иисусом Христом первосвященники.

«...Пилат говорит им: Царя ли вашего распну? Первосвященники отвечали: нет у нас царя, кроме кесаря» – Ин 19, 15.

«Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы» – Мф 27, 24.

Тем, кого не убедят даже эти библейские строки, предлагаю обратиться к документальной основе тех событий. Например, к хранящемуся в Российском государственном историческом архиве личному фонду экономиста, коллежского асессора Анатолия Алексеевича Клопова (ф. 1099), негласного советника и референта последнего российского императора на протяжении 20 лет. Время от времени Николай давал Клопову аудиенции, кроме того, Клопов написал царю с 1899 по 1917 год более 150 писем. Хорошо знавший Россию от самых низов до вершин власти, Клопов довольно объективно оценивал события, происходившие в стране, а прогнозы его чаще всего оказывались пророческими. Все эти письма опубликованы в книге «Тайный советник императора» (СПб.: «Петербург – XXI век», 2002). И если бы царь более прислушивался к своему тайному советнику и менее – к своему осторожному, подобострастному и лицемерному окружению, не было бы ни событий 9 января, ни отречения в 1917 году, и жили бы мы сегодня в другой России, преемнице того государства, которое в начале XX века по темпам своего развития опережало все европейские страны. В чем, кстати, была и немалая заслуга государя. Увы, провалы в сфере политики, и внешней, и внутренней, привели в итоге к падению императора и разгрому империи. Не повезло России с последним царем. Это на склоне лет признал даже Василий Шульгин, монархист и по долгу, и по убеждениям. В 1965 году на экраны страны (буквально на несколько дней) вышел фильм Фридриха Эрмлера «Перед судом истории». «Подсудимым» был Шульгин, но держался старик с таким достоинством, что оказался почти что обвинителем. В том числе и монарха, сказав так: Николай II был рожден на ступенях власти, но он не был рожден для власти.

Несколько выдержек из писем Анатолия Клопова царю в дни, предшествующие расстрелу рабочих 9 января. В послании от 28 декабря 1904 года речь идет об указе Николая II от 12 декабря «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка».

«...Каждый прочитавший несимпатичное правительственное сообщение по поводу Указа 12 дек. пережил тяжелое чувство неудовлетворенности. Мы сразу инстинктивно почувствовали, что наши книжники и фарисеи употребили все для того, чтобы Ваш искренний порыв – совершенно законный и логический – призвать к делу нашего устройства наряду с чиновниками и вольных, местных людей, незараженных чиновничьим ядом – был ослаблен до минимума, и они этого добились».

Уже носятся злоеющие слухи, что чиновники поведут и это живое дело келейно, что они намереваются направить и его на обыкновенный шаблонный путь, т. е. в канцелярию».

И далее:

«Было бы величайшей ложью утверждать, что в нашем обществе и среди самого народа обстоит все благополучно и у нас совсем отсутствует беспокойный элемент. Нет, он существует и растет, но он вовсе не страшен, и мы с ним рано или поздно сами справимся гораздо лучше всяких жандармов. Но можем это сделать только тогда, когда будем признаны за взрослых, полноправных граждан, когда в укладе нашей жизни совсем исчезнет принцип: “руки по швам”, когда вместо него будет твердо стоять принцип законности, гарантия свободы личности, совести и слова. При этих условиях часть обязанности по охранению государственного и общественного порядка ляжет сама собой на нас самих, на общество. Теперь же, когда чуть не всех нас поголовно считают бунтовщиками, мы являемся только пассивными наблюдателями во время разных политических волнений; у нас связаны руки, мы бессильны».

Письмо от 8 января 1905 года – уже крик души. Прозвучавший, но не услышанный.

Ключевой абзац:

«Как только начались стачки рабочих, невольно явился вопрос – что делать в данную минуту? (Стачки начались 3 января, с забастовки на Путиловском заводе. – Г.И.) Выход, по моему мнению, представляется двоякий: или прибегнуть к репрессиям, или отнестись к этому явлению спокойно, с добрым чувством, употребив энергично все средства к удовлетворению законных требований рабочих. Справедливость и логика требуют конечно предпочесть второй способ, так как одна строгость может вызвать еще большие беспорядки. Вы знаете, Государь, всюду носится слух, что завтра народ собирается идти с крестным ходом к Зимнему Дворцу для подачи Вам челобитной. Один такой слух невольно вызывает чувство глубокой симпатии к такому народу, который и в минуты раздражения проявляет простодушие и мудрость. Вот почему Ваше сердечное отношение к нуждам рабочих и строгий твердый приказ администрации – разобрать безотлагательно все претензии рабочих, при непрременном участии выборных от них депутатов, должны произвести самое

благотворное действие на волнения рабочих и в то же время успокоительно повлиять на общее настроение общества».

memoria

Даже императорская фамилия Романовых, в сущности, – немецкая. Пламенный русский партиот Александр III (отец Николая II. – Г.И.), женатый на датской принцессе, был сыном принцессы гессенской, внуком сестры прусского короля, правнуком вюртембергской принцессы, а прабабушка его была Екатерина II, урожденная ангальт-цербстская. При таких предках он, как уверяют, был доволен хотя бы тем, что фактическим отцом его прадеда, Павла I, был не голштинский принц Карл Петр Ульрих (император Петр III), а Сергей Васильевич Салтыков.

Юрий Пирютко «Петербургский лексикон». Центрполиграф, 2010

memoria

Государь не услышал слов русского патриота, царь-инородец более прислушивался к своему семейному окружению, и остался в Царском. На следующий день прозвучали первые залпы первой русской революции...

После Кровавого воскресенья Николай II не появлялся на публике 8 лет – до торжеств в честь 300-летия дома Романовых в 1913 году.

Возвращаюсь к воспоминаниям бабушки.

«В начале сентября 1918 г. Невьянск был взят белыми войсками, там было много чехов. Отец мой партией был направлен в тыл, а братья сражались в рядах Красной Армии. Старший брат погиб в Гражданскую под Селезнями, рядом с нашим селом, а второй брат провоевал 5 лет и демобилизовался в 1922 г. В 33-м году был убит кулаками на станции Рудянка (имеется в виду Нейво-Рудянка, ныне – поселок городского типа, расположенный на реке Нейва в 80 км от Екатеринбурга и в 20-ти от Невьянска по железной дороге. Основан в 1810 году во время строительства металлургического завода. В поселке имеется железнодорожная станция, расположенная на магистрали Екатеринбург – Серов. – Г.И.).

Так вот, благодаря тому, что наша семья оказалась красной, как тогда говорили, мы попали под репрессию, т. е. все имущество у нас было забрано комендатурой и был поставлен вопрос: если в течение 3-х дней не явится отец, то мы с матерью будем арестованы. С помощью товарищей отца, которые были оставлены для подпольной работы в Невьянске, нам удалось выехать на родину, в село Тютняры, там мы узнали, что отец работает в Карабаше на руднике. Карабаш был тоже под белыми. Через некоторое время мы связались с отцом и он забрал нас к себе.

Приехав в Карабаш, я поняла, что отец напрасно время не проводит. У них был уже организован партизанский отряд, который вел по возможности свою работу. Была группа таких партизан, которые жили в лесу, а отец мой работал машинистом

электростанции. Управляющим рудника в то время был Антонов, довольно странный человек: он работал у белых и в то же время помогал партизанам. Вот пример. Допустим, 10-го числа должен приехать карательный отряд. Он вызывает моего отца и говорит: «Гурьяныч, забирай своих ребят и отправляйся дней на 5–6 в лес, приедут каратели». И они уходили в подполье, зная, что им надо делать.

Я, как приехала, тоже познакомилась с мальчиками и девочками моего возраста, узнала их взгляды, и у нас организовалась группа, которая нередко старшими использовалась. Например, нужно было в лес передать какие-либо указания, мы были связными. Отец мой был еще председателем кассы взаимопомощи семьям красноармейцев погибших. Работы у него было много. И профсоюзная организация тогда существовала. Там работал председателем Петр Иванович Серов (у него одна нога была, а вторая деревянная).

Если у вас, ребята, у кого-нибудь есть дед или бабушка, спросите у них об этих людях.

Вместе с Серовым работали Ермил Григорьевич (фамилию не помню) и мой отец Герасим Гурьянович Фирсов. В Завкоме была пишущая машинка, и отец решил меня использовать как машинистку. Недели 2 сидела и днями и вечерами, колотила по клавишам, а потом приспособилась, и тут уже все возвания и какая бы не требовалась переписка, она ложилась на меня. Завком помещался в здании, где за стенкой была милиция, это соседство было крайне неудобно, так как был смежный ход. Правда, я всегда, когда выполняла какую-нибудь работу, закрывала дверь на задвижку, но были и такие случаи, когда совершенно неожиданно начинают барабанить в дверь. В столе в ящиках у меня было двойное дно. Я моментально из машинки вынимала работу, убирала в ящик, а наготове у меня всегда было что-нибудь вроде любовного письма или песни, как будто потому и не открывала, что не хотела, чтобы видели, что я занимаюсь пустяками.

Зарплаты мне никто не платил, т. к. у Завкома не было средств, и к моей работе не придирались. Иногда начальник милиции сам приносил мне кое-что напечатать секретное, надеясь на мою честность и скромность, а мне это было на руку, и я лишняя экземпляры печатала и передавала отцу для сведения, а иногда присваивала черновик, говоря, что уничтожила.

Так прошел 18-й год и начался 19-й, а в июле пришли наши войска. Дня за 2 до прихода войск отец исчез, не предупредив нас ни о чем. Мы с матерью целыми ночами ожидали бог знает чего, и вот накануне прихода войск отец присылает человека, который нам разъяснил, что идут бои по эту сторону Перми, а наутро нам сообщили, что нужно организовать встречу бойцам,

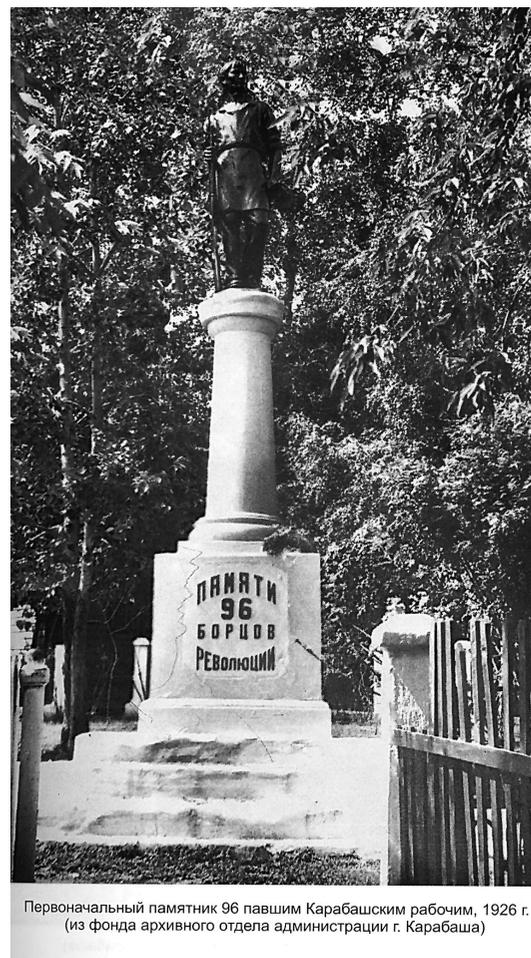
и в 10 часов утра масса народа направилась на встречу. У кого что было покушать, захватили с собой. Как сейчас помню, день был прекрасный, солнечный, запах трав и цветов кружил голову. (Много лет я прожила, много видела природы, но нигде так хорошо и одурманивающе не пахнут цветы и травы, как на Урале.)

И вот, пройдя километров 10, мы встретили бойцов, среди которых наших карабашцев не было, но все равно казалось, что это пришли наши близкие родные. То был праздник, какого я в жизни больше не переживала. Может быть, этому способствовала молодость.

Но первый праздник нам был омрачен на другой же день. В начале, как только белые заняли Карабаш (то есть, год назад, 11 июня 1918 г. – Г.И.), там осталось много молодежи, некоторые дезертировали из армии, некоторые по ранению, и вот комендатура объявила, что все, кто явятся и добровольно зарегистрируются, останутся не тронутыми (тогда еще партизанского отряда не существовало, подсказать, что это может оказаться ловушкой, было некому). И вот 96 человек встали на учет. Первое время их не тронули, а спустя месяца полтора приехал карательный отряд и они ночью, с постели, кто одет, но не успел обуться или в одном сапоге, были забраны с саблями наголо и угнаны неизвестно куда, и целый год никто не знал, куда их угнали, разыскивали, но все оказалось бесполезно. Потом организовали кассу взаимопомощи, которую вел мой отец, по силе возможности помогая их семьям. А когда пришли наши, отец был назначен ревкомом, и в эту же ночь пришел старичок с кордона и рассказал, что где-то недалеко от Коробковского рудника была шахта глубиной 90 метров, и вот каратели загнали всех 96 человек. Как старичок сторож рассказывал, трое суток был слышен плач и стоны, но ему крепко было наказано молчать, и он молчал.

Наутро отец с товарищами поехали туда. Уточнили все, и была организована выемка всех убитых и похороны. Многие родственники узнавали своих. Молодежи было много работы: помогали делать гробы, копать братскую могилу, а многие участвовали и в выемке тел из шахты. Похороны были торжественны, но и очень печальны, был дан салют. Мы стреляли из винтовок, которые нам дала военная часть, оставшаяся для наведения порядка, познакомив нас предварительно с тем, как обращаться с винтовкой. Похоронили на Соймановском руднике. Вы, наверное, ходите на эту могилу, она была сделана нашими руками».

Тут прерываю воспоминания бабушки, которой довелось стать очевидцем и в какой-то степени участником ужасных событий в Невьянске, а затем – заключительных дней карабашской трагедии – двумя эпизодами Гражданской войны, сравнимыми своими масштабами и жестокостью разве что

Первоначальный памятник 96 павшим Карабашским рабочим, 1926 г. (из фонда архивного отдела администрации г. Карабаша)

Фотография из книги «Карабаш. Годы и судьбы»

со зверствами адмирала Колчака. Участники похорон 96-ти еще не знали тогда жутких подробностей той резни, которую устроили белогвардейцы в июне 1918 года. В наши дни, когда историю поставили с ног на голову, когда историки порой взахлеб превозносят благородство и беззаветную преданность Родине белогвардейцев, когда в кумиры возводятся такие самодовольные маньяки и убийцы, как Колчак, куда-то на задний план отошли беззаветность и мужество бойцов Красной Армии. И доблести, и жестокости было немало с обеих сторон: время все расставит по местам. Чем объективнее мы будем, тем скорее восстановим историю XX века такой, какой она была. С трагедией 96-ти, устроенной белыми казаками в 1918-м в Карабаше, и с «черными досками» – мором, устроенном большевиками в начале 30-х годов на Кубани для усмирения потомков тех казаков, что воевали одиннадцать-двенадцать лет назад, причем, не только на стороне белых. О Кубани речь впереди.

А пока – хроника тех чудовищных по своей жестокости событий, свидетелем финала которых стала моя 19-летняя в 1919-м году бабушка.

Из исторического очерка о городе Карабаш

...Наступил страшный период разгула белогвардейской контрреволюции. Белогвардейцы развернули массовый террор. Они жестоко мстили трудящимся Кыштымского горного округа за попытку утвердить новый общественный строй.

В Карабаше власть белогвардейцев утвердилась 11 июня 1918 года. Вечером этого дня в город ворвалась сотня поручика Глинского и начала расправу. Немедленно создается Комитет безопасности под руководством механика Рихтера. Комитет издал приказ об аресте всех активных сторонников советской власти. В течение нескольких дней было арестовано около 170 человек.

Слухи о невыносимых условиях, в которых находились арестованные, скоро разносились по городу и рудникам. 15 июня на площади перед домом, где находились заключенные, собралось 2000 рабочих. Они потребовали немедленно

освободить арестованных. В связи с тем, что белые имели в Карабаше еще не много сил, арестованных освободили под подписку о невыезде.

Но вскоре начались новые аресты. У ряда рабочих обнаружены спрятанные винтовки. Арестовали братьев Ивана и Афанасия Логутенко – активных участников революционных событий в Карабаше. Афанасий являлся организатором первой комсомольской группы на заводе. Братья Логутенко воевали с белочехами, а затем вернулись на завод для работы в подполье.

Военно-полевой суд приговорил братьев Логутенко и ряд других рабочих, также хранивших оружие, к смертной казни. Их вывезли из города.

В двадцатых числах июня в Карабаш прибыл крупный карательный отряд белых. Начались массовые аресты. Аресту подверглись 96 человек. Среди них заместитель председателя Карабашского Совета В.М. Тетерин, члены Совета Н.С. Сырейщиков, В.Н. Глазков, С.А. Казанцев, активисты А. Ичев, братья Петр и Александр Гужавины, А. Брялин, И. Тараканов, С. Ерошкин, Ф. Мишин, красногвардейцы Н. Волков, Г. Шипулин, И. Зотов, и другие.

Всех арестованных заключили в здание Совета Соймановского поселка. Здесь они просидели несколько дней. Почти круглые сутки велись допросы, зверские пытки. Вскоре каратели объявили, что арестованные будут отправлены в Челябинск, через Миасс по железной дороге. Для их сопровождения был вызван многочисленный конвой из белоказачков. Арестованных поодиночке выводили и строили в колонну. Белоказачки окружили колонну тесным кольцом, обнажили сабли, оцетинились штыками и повели арестованных на станцию.

С большим трудом арестованные добрались до реки Миасс. Казаки не повели их по мосту, а погнали вброд, не позволяя выбираться из воды. Затем белоказачки придумали новое издевательство – приказали ускорить шаг и перейти на бег. Отказавшихся бежать избивали. Один старик, видевший это, впоследствии рассказывал: «Многие арестованные бежали, подгоняемые плетками, некоторые не могли идти. Казаки привязывали их поводками к седлам и волочили по земле».

В таких условиях арестованные прошли 35 километров и глубокой ночью остановились недалеко от села Тургой. Здесь находился законсервированный рудник с несколькими заброшенными бараками. В них арестованные провели две ночи.

Перепившиеся казаки врывались в бараки и зверски избивали арестованных. Пьяная оргия карателей закончилась тем, что они стали уводить рабочих группами в соседний лес, возле которого находились две заброшенные шахты. Казаки подводили к краю шахты по 2–3 человека и рубили их саблями. Некоторые, обреченные на смерть, сами бросались в шахту. Первым бросился Василий Тетерин. За ним, обнявшись, вместе прыгнули в шахту братья Щербаковы.

Исключительную силу воли проявила Марина Яковлевна Логутенко. Когда каратели зарубили у нее на глазах 17 летнего Ивана Тараканова, Марина Яковлевна схватила камень и с проклятьями бросилась на убийцу. Один из казаков подскочил к ней на лошади и с силой ударил саблей по голове. Женщина мертвой рухнула на землю.

Заполнив телами убитых одну шахту, каратели рубили арестованных у другой. После этого они долго забрасывали шахты камнями, чтобы случайно не оставить в живых кого-либо. Но среди зарубленных и замученных на смерть

были заживо погребенные, и стоны из шахт, как рассказывал сторож барак, слышались в течение нескольких дней.

После освобождения Карабаша в 1919 году останки 96 красногвардейцев, извлеченные из шахт, были захоронены в Соймановском поселке. В 1926 году на братской могиле сооружен 3-х метровый памятник, реконструированный в 1960-е годы. На высоком пьедестале – бронзовая фигура рабочего, который сжимает в правой руке винтовку, а левой опирается на молот. На месте, где трагически оборвалась жизнь карабашцев, стоит гранитныйobelisk, на котором высечены слова: «Памяти 96 борцам революции, рабочим-красногвардейцам Карабашского завода, зверски замученным на этом месте колчаковцами-белобандитами в 1918 году»...

12 июля в Карабаш вступил первый пехотный батальон и пулеметная команда 308 полка 35-й дивизии 5-й армии Восточного фронта Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

В ряды Красной Армии вступили более 1200 партизан, рабочих Карабаша, Кыштыма и крестьян окрестных деревень.

16 июля 35-я дивизия начала наступление на Кыштым. После упорных боев 19 июля город был освобожден. В этот же день освободили и село Губернское.

Партизаны и добровольцы Карабаша принимали активное участие в боях под Челябинском. 27 июля под Аргаяшом 35-я дивизия разгромила Ижевскую бригаду колчаковцев, взяв в плен более 500 солдат и офицеров.

Таким образом, в годы гражданской войны карабашцы оказали серьезное сопротивление белогвардейцам, потеряв при этом многие сотни своих товарищей.

Из книги «Карабаш. Годы и судьбы». Челябинск: ЧПО «Книга», 2002

Читаем рассказ бабушки дальше:

«После похорон начальник политотдела провел общее собрание с молодежью, разъяснил устав и программу Российского коммунистического союза молодежи (созданного 29 октября 1918 года – Г.И.), и сразу же многие записались. Выбрали секретарем Васю Гужавина (фамилии других ребят как-то забылись сейчас) и началась организационная подготовка. Нам дали помещение, а больше ничего. Даже трудно было достать бумагу, тащили все из дому. Первое время было очень трудно, но постепенно мы начали оперяться: достали бумагу, картон, фанеру на плакаты и на стенды, а потом нам дали красной материи на знамена. К празднику Октября нам нужно было все приготовить. Труд был распределен: девочки шили и вышивали знамена, флаги, а мальчики писали, рисовали, все делалось вечерами. Помимо этого, проводились собрания, беседы – по изучению устава и программы РКСМ.

А еще мы никогда не забывали, что нужны нам и средства, и агитация. Проводились концерты, спектакли, вечера молодежи, а перед этим проходили репетиции. Заправилами по концертам были Лида Мокроусова (или Монрова, точно не помню сейчас), Тоня Шуколюкова и другие, а по драмкружку – я, Петя Трифионов, Шура Шуколюков и много других (фамилии позабывала).

Гужавин Василий Андреевич

Родился в июне 1902 г., село Андреевка Троицкого уезда Оренбургской губернии в семье штейгера золотого прииска.

1918–1919 – масленщик компрессора Ивановского рудника Карабашского завода.

1919–1920 – дежурный электроцита и монтер телефонов Карабашского медеплавильного завода.

1920–1922 – служба в РККА.

1922–1923 – горный десятник Гумбейского прииска Челябинской губернии.

1923–1925 – монтер телефонов на Карабашском заводе.

1925–1929 – электрик на Карабашском заводе.

1929–1931 – мастер-электрик Карабашского медеплавильного завода.

1931–1933 – начальник электроцеха Карабашского медеплавильного завода.

1933–1938 – заместитель главного механика Карабашского рудоуправления.

1938–1941 – главный механик Карабашского рудоуправления.

1941–1943 – второй секретарь Уфалейского РК ВКП(б).

1943–1946 – парторг ЦК ВКП(б) на Уфалейском никелевом заводе.

1946 – второй секретарь Карабашского горкома ВКП(б).

1946–1951 – первый секретарь Карабашского горкома ВКП(б).

1949–1950 – учился на годичных курсах при Высшей партийной школе.

1951–1953 – заведующий планово-финансово-торговым отделом Челябинского обкома КПСС.

1953–1958 – заведующий отделом административных и финансово-торгово-финансовых органов Челябинского горкома КПСС.

Страница из книги «Карабаш. Годы и судьбы»

Работы было много. Так прошел 19-й год и начало 20-го года, но 20-й год нам принес много невзгод, люди были голодные, начался сыпной тиф, каждый день кого-нибудь увозили в тифозные бараки. В феврале и я заболела, и только в апреле месяце я стала учиться ходить (т. к. после тифа у многих отнимались ноги и человек был беспомощен, как малый ребенок). А в начале мая меня, еще не оправившуюся, райком партии направил в Екатеринбург на курсы Внешкольного образования, по библиотечной работе, и Лушу Никитину по Ликбезу. В конце августа, окончив курсы, мы вернулись в Карабаш, но здесь мы встретились с новыми несчастьями: тиф вроде поутих, но бандиты мстили мирному населению, ежедневно за 15–20 верст поджигали лес, и Карабаш задыхался в дыму. Молодежь не успевала тушить пожары, а лето было засушливое, не успеют потушить в одном месте, как загорается совершенно в противоположной стороне. Ребята так устали, почернели, что на них было страшно смотреть, да ведь еще голод. Паек на работающего – восьмушка хлеба, в переводе на современный

вес – 50 граммов. (Восьмушкой и осьмушкой называли одну восьмую часть русского фунта, который равен 0,4095 кг. При делении на 8 – 0.051, или 51 грамм. – Г.И.)

С первого дня мы с Лушей тоже включились в тушение пожаров. Это зрелище не хуже войны, кругом шум, треск от падающих деревьев. Лес тушили не водой, а окапывали вокруг. Бывали и такие случаи: вот окапываем как будто и близко друг от друга, а кто-нибудь прозевал и огонь тонкой струйкой пробежал в тыл, а там под дуновением ветерка запылало пламя и вся наша работа пропала, опять начинай сначала. Это было очень трудное время, только в сентябре, как начались дожди, пожары постепенно начали затихать, а мы возвращаться к своим обязанностям.

В конце сентября я приняла библиотеку. Это была не библиотека, свалка книг, 7000 экз. в одной куче. Много пришлось затратить сил, пока я укомплектовала, заинвентаризировала и составила каталоги. Зима 20–21 г. была холодная, на библиотеку, да и на клуб, дров не давали, в воскресенье приходили учителя и комсомольцы, помогали заготовить сколько-нибудь дров, и до следующего воскресенья опять мерзли. При клубе так же был организован Ликбез, проводилась читка газет, журналов. И вот, несмотря на то, что мы мерзли, голодали в те годы, а работа кипела, мы не падали духом, наоборот, было весело, никто не хныкал. Учеба, собрания, беседы, выпуск стенгазет, оформление стендов – все шло строго по плану. Секретарь наш Вася Гужавин был требовательный и мы все подчинялись ему.

Весной 1921 года в детдоме, который находился тогда в доме бывшего управляющего Лихтера (ваши дедушки и бабушки знают, где этот дом), появилась чесотка, болезнь, которая действует изнуряюще (теперь она редко бывает) на организм. И вот райком партии и райком комсомола направили меня туда, дав задание ликвидировать чесотку. Конечно, под руководством врачей. Да, дети, эта работа была тоже не из легких. Постельного белья, да и матрацев, было очень мало, а что было – то все загрязненное. Нательного белья тоже не было. И вот горисполком снабдил меня пропуском (тогда без пропуска дальше Кыштыма ездить было нельзя) и мандатом, и направил в Екатеринбургский Облнаробраз, и я поехала. Где просила, порой плакала от бессилия, доказывая необходимость в получении какой-нибудь ткани, и наконец нам дали почти вагон горелого лоскута. Вам не понятно, а может быть, странным покажется. Да, это было так. Во время войны с Колчаком часто горели эшелоны с продовольствием и с промтоварами. В то время еще фабрики и заводы не работали, а на станциях порой были свалки погоревших вагонов, вот их разбирали и что можно было использовать, шло в воинские части и в детдома.

Тряпки были размером иногда по метру, а порой и того меньше. Для того, чтобы сшить платъице, нужно было 3-4 лоскута, мальчикам старались подобрать что-нибудь одноцветное, а девочкам комбинировали из трех-четырех сортов, шили простыни, наволочки, одеяла, настилая их вместо ваты куделёй. Я работала старшей воспитательницей, а заведующей была тетя Маша (фамилии не помню). И вот, днем шили, а вечером – постели были у нас на сеновале, было привезено сено и застлано вновь нашитыми простынями – дети спали все там вповалку. Две нянечки и я мазали всех дегтярной мазью, три дня мазали, потом мыли щелоком (мыла у нас не было, щелок делали из березовой золы), белье все кипятили, и снова та же процедура. К сентябрю 1921 г. с чесоткой было покончено.

В Карабаше к этому времени я осталась совершенно одна. Отец был сначала направлен начальником продотряда, а потом прикомандирован к Губпродкому в Екатеринбург. Семья выехала к нему, ну, и я переехала к ним. В период, когда я работала в детдоме, с комсомольской работой у меня временно был простой, т. к. эта дегтярная мазь имела отвратительный запах и никакое мытье не помогало, мне просто неудобно было находиться среди молодежи.

В детдоме в старшей группе у нас были два мальчика: Ваня Никитин и Степа (фамилии не помню), чудные мальчишки, они мне много помогали.

В Карабаше сейчас проживает Александр Васильевич Подъячев. Был ли он комсомольцем, не помню, но с их семьей я одно время была крепко связана, его сестры были мои подруги, но они умерли в те годы. А его жена Тоня (бывшая Шуколюкова), вот она вам тоже может кое-что рассказать.

memoria

Буду вечно молодым

Работа по созданию комсомольской организации в Карабаше началась на металлургическом заводе. В 1918 году военком А.П. Савельев провел первое собрание молодежи. Партийцы разъяснили молодежи стоящие перед ней задачи. Но записи в комсомол еще не проводилось. И только 21 сентября 1919 года в рабочем клубе (позднее в Доме культуры «Металлург») прошло собрание, на котором председателем волостного совета С. Клепацким был поставлен вопрос о создании в городе комсомольской организации. Проводившие собрание не обещали легких путей, а объясняли, что ожидает комсомольцев в борьбе за становление Советской власти. Не испугавшись трудностей, в новую организацию записались одиннадцать человек, в их числе были И. Кружков, А. Подъячев, В. Гужавин, И. Шерстнев, С. Малоземов, П. Малов, Л. Мокров. Тут же провели первое собрание, на котором был избран комитет комсомольской организации из трех человек и председателя – А. Подъячева. Секретарем комитета стал В. Гужавин.

История карабашского комсомола неразрывно связана с историей города. Молодые люди трудились, ставили пьесы на сцене Дома культуры, выезжали с лекциями в окрестные села.

В октябре 1919 года представители городской организации участвовали в окружном и губернском съездах. В 1920 году группа комсомольцев-добровольцев отправилась на трудовой фронт, затем еще одна группа ушла на польский фронт. Оставшиеся 9 человек по заданию компартии вели политзанятия среди молодежи, в доме бывшего управителя медеплавильного завода Колесникова по улице Освобождения Урала организовали комсомольский клуб...

О. Феклистова,
газета «Карабашский рабочий», 29 октября 2013 года

memoria

Дети, может быть, вас не совсем удовлетворил мой рассказ, но он правдив. Это не сказка, а быль того времени, к тому же тяжелого. Сейчас к нам в Ленинград часто приезжают школьники по туристским путевкам, может, кто из вас тоже приедет посмотреть Ленинград.

Если вас что-нибудь заинтересует, можете написать мне, только все, что я вспомнила, я написала.

До свидания,

Желаю успехов в труде и учебе,

Бабушка Ксения.

Посылаю свои фотографии. Дети, извините, что почерк у меня несуразный, руки не хотят уже ровно писать».

Эти воспоминания о событиях полувековой давности были отправлены в Карабаш, после чего переписка бабушки со школьниками еще года два продолжалась. Ребята рассказывали о жизни школы, о своих пионерских и комсомольских делах, и прислали даже альбом с «отчетом о проделанной работе».

Потом, видимо, у следующего поколения школьников нашлись другие увлечения, и переписка оборвалась. Да и у бабушки появились новые интересы на Урале, теперь в Красноуфимске, где жила ее старшая сестра Оня, ушедшая еще в молодости к старообрядцам, – матушка Александра. Матушке будет посвящена отдельная глава, и не будем пока забегать вперед.

О дальнейшей же судьбе бабушкиной Невьянско-Карабашской рукописи ничего не известно. То ли похоронена она в школьном архиве, то ли утеряна за ненадобностью теми, кто пришел на смену бабушкиным корреспондентам, то ли по другой причине, но материалом ни для историков, ни для краеведов, ни для авторов книг «Невьянск» и «Карабаш. Годы и судьбы» она не стала. Вообще, источники, рассказывающие о первых комсомольцах в этих местах, можно пересчитать по пальцам. Все они, в сущности, уже упомянуты

Ма, комсомолцы, рассказали вам, первая комсомолка нашего города, о нашей работе. Близкой учебной год у нас прошли под девизом: „60-летию СССР-достойно встретить.“ Больше всего комсомолы учажи на 4 и 5, отбывающих ней. Близкими праздники ма выигрывали соревновании Советов республик, в подготовке которого участвовали все классы школы. Соревнования школы участвовали в городских и школьных соревнованиях, посвященных этой дате. В конкурсе художественной самодельностью ма заняли первое и второе место, а в конкурсе творческих работ ма заняли первое место. Единство преводится военно-спортивная игра „Зарница“ и каждый раз ма всегда побеждают. Активист учажи ма принимали в трудовых дружинах по сбору металлолома и макулатуры. А также ма всегда оказали помощь нашим школам - работниками индустриального края. В 5 трудовых четвертей ма учажи ма нашей школы были организаторами и сборщиками кабинетов школы и конкурсов учебников кабинетов ма

Первая страница альбома и фотография членов совета Ленинской комнаты средней школы № 1 города Карабаш, 1972 год

выше. Может быть, будучи прочитаны, наконец, в этой книге, воспоминания К.Г. Ефремовой, в те годы Фирсовой, вызовут интерес уральских летописцев.

Пока же в нашем повествовании наступает 1922 год. Двадцать второй год бабушкиной жизни. Год прощания с юностью.